

Обзоры

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ ПЕРИОДА РЕСТАВРАЦИИ

Изучение политической борьбы в Англии в период реставрации Стюартов представляет несомненный интерес. Насколько стабильными были завоевания Английской буржуазной революции, как изменилась вследствие реставрации расстановка классовых сил в стране, какие противоречия между этими силами стали в новой обстановке стержнем политической борьбы — эти вопросы являются основополагающими для понимания целого периода английской истории — от реставрации «легитимной» монархии Стюартов в 1660 г. до «славной революции» 1688—1689 годов.

Политическая борьба в годы реставрации была обусловлена незавершенностью буржуазной революции, неразрешенностью ряда основных конфликтов, и прежде всего вопроса о власти. Несмотря на социально-экономические изменения в обществе, свершившиеся в результате революции, «все действительное управление, ...то есть практическое законодательство в обеих палатах парламента, оставалось в руках земельной аристократии»¹. Усиление торгово-промышленной буржуазии повлекло за собой ее стремление добиться перераспределения политической власти. В среде господствующих классов начинается процесс формирования противоборствующих партий тори и вигов, закончившийся к 1679—1681 годам. Ареной их борьбы становится парламент, предметом ожесточенных идейных и классовых столкновений — законопроекты, затрагивающие прерогативы королевской власти и привилегии парламента в экономике, конституционном и церковном устройстве.

Освещение политических проблем реставрации было начато буржуазной историографией еще в XVIII—XIX вв., но особенно широко развернулось в XX веке. Интерес к этим сюжетам не ослабевает и у современных английских и американских историков².

Одна из наиболее примечательных тенденций новейшей английской историографии реставрации и «славной революции» заключается в том, что эти события больше не отрываются от периода буржуазной революции, «великого мятежа», и не противопоставляются ему, а рассматриваются в тесной связи с ним. Эта точка зрения наиболее ярко выражена в работах Дж. Уэстерна и Дж. Джонса.

Монография профессора новой истории Манчестерского университета Дж. Уэстерна «Монархия и революция. Английское государство в 80-х годах XVII века»³ посвящена развитию английской государственности в период правления поздних Стюартов. Хотя работа написана на основе давно введенных в научный оборот источников, автору удалось дать довольно оригинальную трактовку процесса становления ограниченной монархии в Англии. Уэстерн отмечает, что в историографии существуют две

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 106.

² M. Ashley. England in the 17th Century. Harmondsworth. 1968; eju s.d. Charles II. The Man and the Statesman. N. Y. 1971; C. Falkus. The Life and Times of Charles II. N. Y. 1972; J. Cannon. Parliamentary Reform 1640—1832. Cambridge. 1973; L. Stone. Family and Fortune. Studies in Aristocratic Finance in the 16th and 17th Century. Oxford. 1973; C. Chandaman. The English Public Revenue. 1660—1688. Oxford. 1975.

³ J. R. Western. Monarchy and Revolution. The English State in the 1680's. L. 1972.

концепции эволюции государственного строя Англии во второй половине XVII века. Согласно одной из них, «вигской», переломным моментом в развитии английского государства явилась «славная революция», расчистившая путь к утверждению суверенитета парламента. Приверженцы противоположной концепции лишают переворот 1688 г. всякого самостоятельного значения, рассматривая его лишь как отголосок буржуазной революции середины XVII века. Уэстерн же считает обе концепции неудовлетворительными, поскольку одна из них преувеличивает роль «славной революции», а другая искажает политические последствия гражданских войн и «междоусобиц». Революция середины XVII в. была «резким разрывом с прошлым», справедливо пишет автор; она оказала глубокое воздействие на социально-политические институты и мировоззрение англичан. Однако ее политические последствия были, по его мнению, весьма «смутными» и отнюдь не предполагали обязательного превращения Англии в либеральную парламентарную монархию. Основной вопрос революции — кому должна принадлежать власть в государстве: парламенту или короне — так и не был решен. Этот вопрос сделался центральным в борьбе тори и вигов (стр. 17).

Признавая наличие политической борьбы в парламенте при Карле II, Уэстерн полагает, что в 60—70-х годах XVII в. наблюдалось нечто вроде равновесия сил, когда монарх, не располагая средствами, необходимыми для проведения самостоятельной политики, не мог избавиться от парламента и в общем проявлял достаточный «такт» по отношению к высшим классам. Последние же, в свою очередь, больше всего опасаясь выступлений народных низов, объединялись в поддержку реставрированной монархии. Уэстерн утверждает, что после 1660 г. Англия двигалась «в направлении к абсолютизму» и только события 1688 г. изменили в последний момент это направление. Подробно останавливаясь на деятельности Якова II в области государственного, парламентского и церковного устройства, автор приходит к выводу, что вся политика последнего короля из династии Стюартов имела целью установление абсолютизма. Так, корона сохранила за собой право назначать и смещать всех должностных лиц местной администрации, что позволило ей «все дела на местах вручить в руки доверенных лиц». Яков II заменил негодных ему судей, содействовал выработке репрессивного законодательства, произвел чистку муниципальных корпораций, приложил немало усилий к тому, чтобы укрепить армию и «сделать ее послушным инструментом своего правления». Ему удалось покончить с финансовой зависимостью короля от парламента. «Коммерческая экспансия», обычно связываемая с ростом средних классов и либеральным политическим движением, стала, как считает автор, основой абсолютной монархии, ибо позволяла королю собирать необходимые средства для содержания государственного аппарата (стр. 111).

По мнению Уэстерна, благодаря такой политике Яков II сумел привлечь на свою сторону не только знать, но и средние слои, в том числе часть среднего джентри. Кроме того, принятые правительством меры «уничтожили организованную оппозицию королевской власти» (стр. 69). Репрессивный характер законодательства и потеря независимости муниципальными корпорациями способствовали устранению оппозиции, которая воспрепятствовала бы мероприятиям короля. В то же время в книге отмечается существование недовольства действиями Якова II и антиправительственных заговоров в войсках. Автор справедливо подчеркивает, что лишь «опасения новой революции» помешали открытым выступлениям, а также «способствовали усилению королевской власти» (стр. 140—141).

Нельзя не заметить, что ряд приведенных в книге фактов противоречит выводам Уэстерна. Он признает, что король не мог не учитывать «настроений местной знати», которая вносила свои коррективы в его распоряжения, в силу чего «семьи со значительной собственностью и влиянием» сохраняли всегда за собой «право принимать участие в административном управлении» (стр. 48—49). В результате оказывалось, что местная знать, «сдвигающая негодных лиц» и в ряде случаев сохранившая свою независимость в местном управлении, делалась сильнее короны. В 1687 г. Яков II попытался оказать давление на ход избирательной кампании с тем, чтобы добиться такого состава парламента, который согласился бы на «отмену законов о монополии англиканской церкви». Король ожидал, что местные власти окажут ему в этом поддержку, но они «либо оказались враждебно к нему настроенными, либо отнеслись без должного энтузиазма» (стр. 54). Яков II предпринял также ряд других

мер, направленных на подчинение себе государственной машины управления. Говоря об отсутствии антиправительственной оппозиции при Якове II, Уэстерн в то же время неоднократно упоминает о борьбе вигов и даже делает вывод, что «под давлением вигов правительство становилось менее авторитарным» (стр. 51). И действительно, оппозиция существующему режиму была налицо, и в ее ряды входили виги. Однако основу антиправительственной оппозиции составляли народные низы, о чем этот английский буржуазный историк совершенно умалчивает.

Преподаватель истории в университете Восточной Англии Дж. Джонс неоднократно обращался к изучению английских политических партий и их борьбы в XVII веке⁴. Этой же проблеме посвящена и его монография «Революция 1688 г. в Англии»⁵. Хотя в центре внимания автора события 1688—1689 гг., тем не менее в книге освещается и предшествующий период. Используя обширный фактический материал, Джонс рассматривает такие вопросы, как организация систематического парламентского правления, возникновение партий, установление и использование королевского контроля над муниципальными корпорациями и т. д. При этом оспаривается традиционная в западной историографии интерпретация событий, предшествовавших «славной революции». Автор доказывает, что все попытки Якова II увеличить привилегии короны, повлиять на состав парламента и установить религиозную терпимость прежде всего в отношении католиков не соответствовали основным социально-политическим условиям Англии периода реставрации и в силу этого были обречены на провал.

Пересматривая «традиционное» изображение событий «славной революции», считая многое ошибочным в концепции ее первого интерпретатора, представителя «вигского» направления в историографии Т. Маколея, Джонс задался целью более подробно изучить предшествующий период, начиная с 1660 года. Он полагает, что события революции середины XVII в. не устранили основных противоречий в английском обществе и что главные конституционные и политические вопросы ее оставались открытыми и нерешенными и в правление поздних Стюартов. С первых же дней правления Карла II, пишет автор, «политическая атмосфера была осквернена коррупцией, циничным соглашательством и постоянной ужасной борьбой фракций» (стр. 3). Вместе с тем, отмечает Джонс, наиболее значительным фактором времени сделалась «мобильность в политической жизни страны». Возможность стать правящими классами, то есть войти в состав парламента, представилась не только «высшим» слоям населения — нобелям и лендлордам, но также средним джентри, богатым купцам, банкирам и юристам, высшим представителям англиканской церкви. Подобные изменения в социальном составе господствующих классов Джонс справедливо ставит в зависимость от революции середины XVII века. В то же время он подчеркивает, что для бедняков или лиц, лишенных связей и привилегий, «проникнуть в правящие классы» было невозможно (стр. 26). «Революция 1688 г., по словам Джонса, не была «национальной» и не была «буржуазной». Ее значение заключалось в том, что «она нанесла сокрушительный удар по принципам и институтам старого режима — легитимной монархии, божественному праву, власти, требующей беспрекословного подчинения в каждой сфере жизни» (стр. 330). Джонс правомерно подчеркивает, что переворот 1688 г. был «тесно связан с Английской революцией середины XVII столетия». Однако, подобно большинству буржуазных историков, он чрезмерно преувеличивает значение «славной революции», полагая, что «она сыграла более важную по своим результатам роль в дальнейшем развитии Британии» (стр. 331).

Представители новейшей английской историографии продолжают уделять значительное внимание политическим партиям периода реставрации. Вопрос о возникновении тори и вигов является одним из наиболее спорных в буржуазной историографии. Ряд ученых относит появление этих партий к периоду революции середины XVII в., отождествляя «кавалеров» и «круглоголовых» соответственно с тори и вигами; другие считают, что партийная система возникла при Генрихе VIII, третьи полагают, что ее истоки восходят к правлению Карла II Стюарта⁶.

⁴ J. R. Jones. Court Dependents in 1664. «Bulletin of the Institut Historical Research», 1961, Vol. 34, № 89; e j u s d. The First Whigs. The Politics of the Exclusion Crisis 1678—1683. Oxford. 1961; e j u s d. Political Groups and Tactics in the Convention of 1660. «The Historical Journal», 1963, Vol. 6, № 2.

⁵ J. R. Jones. The Revolution of 1688 in England. L. 1972.

⁶ K. Feiling. A History of the Tory Party. 1640—1714. Oxford. 1924; iv. В u l m e r-

Рассматривая вопрос о партиях, Джонс критикует концепции ряда своих соотечественников. Он считает, что «классический вигский историк» Маколой наделял вигов и тори периода поздних Стюартов «характерами и принципами партий викторианской эпохи». В то же время Л. Нэмир, анализировавший структуру английской политики XVIII в., отрицал наличие партий и утверждал примат «связей, интересов и коалиций», что вело, как справедливо отмечает Джонс, к «неверному толкованию природы партий и политики реставрации».

Джонс противопоставляет этим концепциям свою, в соответствии с которой «связи, основанные на семейных отношениях и региональных группировках», после 1678 г. начинают играть подчиненную роль. В период борьбы за билль «о лишении права престолонаследия» брата короля католика герцога Йорка, в 1678—1681 гг., возникла «поляризация политических сил, превратившихся в определенные политические партии» (стр. 38). Однако автор рисует несколько модернизированную картину возникновения тори и вигов. Он уверен, что в те времена «партийные деления и партийные чувства пронизывали каждый аспект жизни», что эти деления и эти чувства были «более строгими и устойчивыми», нежели в поздний период. Джонс характеризует вигов как «организованную и агрессивную партию», обладавшую «высокой степенью политической сознательности», выполнявшую наказания и инструкции группы лидеров, которые «принимали решения и вырабатывали тактику» (стр. 38—39). Подобная оценка вигов является весьма преувеличенной. Вряд ли можно говорить о действии столь налаженного партийного механизма в то время, когда партии еще только формировались. Кроме того, представляется ошибочным и утверждение автора о том, что тори появились в результате успеха и влияния, достигнутого вигами (стр. 40). В действительности процесс образования противоборствующих партий, обусловленный незавершенностью Английской буржуазной революции середины XVII в., проходил одновременно.

Совершенно иначе трактуется вопрос о партиях в монографии научного сотрудника Кембриджского университета Дж. Миллера «Католицизм и политика в Англии 1660—1688 годов»⁷. Автор рассматривает тори и вигов в связи с борьбой в парламенте за билль «о лишении права престолонаследия». Он отрицает, что виги в тот период представляли собой партию, и считает их лишь «объединением групп и личностей» ради единственной цели — не допустить католика на престол. Для достижения этой цели виги пытались найти себе поддержку вне парламента, с тем чтобы оказать давление на короля, заставив его признать билль. В своих выступлениях виги часто ссылались на прецеденты в английской истории, позволяющие парламенту вмешиваться в королевскую прерогативу. Считая аргументы вигов «преувеличенными и противоречивыми», Миллер полагает, что идеи вигов и парламентариев времен революции середины XVII в. были идентичными (стр. 171). Однако на самом деле виги никогда не помышляли о каких-либо серьезных выступлениях, которые могли бы привести к новой гражданской войне. Тори же, по мнению автора, напрасно боялись, что виги, нападая на «основные принципы монархии и древней конституции», создадут тем самым опасную ситуацию, которая приведет к повторению событий революции.

Вопрос об идейно-политических основах тори и вигов все еще не нашел должного отражения в буржуазной историографии. Как правило, в работах западных историков вопросы идеологии освещаются весьма бегло и поверхностно⁸. Уэстерн попытался проанализировать идейно-политические взгляды тори и вигов, опираясь преимущественно на анализ трактатов их основных теоретиков Р. Фильмера и Дж. Локка. По его словам, вигов объединяла вера в то, что, хотя «правление суверена необходимо», законодательная власть должна быть верховной. Виги настаивали на оказании «справедливого сопротивления правителю», нарушающему законы. Однако они отнюдь не полагали, что монархия должна быть уничтожена, поскольку опасались повторения событий, в результате которых король был отправлен на эшафот (стр. 20, 29).

Thomas. The Growth of the British Party System. Vol. I. 1640—1923. L. 1967; J. A. Marriott. The Crisis of English Liberty. Westport. 1970.

⁷ J. Miller. Popery and Politics in England. 1660—1688. Cambridge. 1973.

⁸ K. Feiling. Op. cit.; G. P. Gooch. English Democratic Ideas in the 17th Century. Cambridge. 1954; C. Robbins. The 18th Century Commonwealthsman. Cambridge. 1956; J. R. Jones. The First Whigs.

С рядом положений, выдвигаемых Уэстерном, нельзя согласиться. Его высказывания о том, что виги имели «народную поддержку» и что они разделяли мнение роялистов, согласно которому «взгляды короля и народа не противоположны, но взаимно дополняют друг друга» (стр. 30, 42), представляются неубедительными. Однако вся оппозиция вигов в конечном счете не была принципиальной, они не желали ослабления королевской власти, поскольку так же, как и тори, опасались возмущения народных низов. Сам же Уэстерн подчеркивает, что на практике спор между тори и вигами шел о том, «как лучше сохранить существующий социальный порядок» (стр. 45). Таким образом, при всех различиях в идеологии этих партий поведение их представителей было продиктовано страхом перед выступлением народных низов.

Среди работ современных английских историков по проблемам реставрации привлекают внимание монографии Д. Лэси и Дж. Миллера, затрагивающие те вопросы религиозной политики правительства, которые прежде не были предметом специального исследования. Преподаватель истории в Морской академии США Д. Лэси в монографии «Диссентеры и парламентская политика в Англии в 1661—1689 гг.»⁹ впервые в буржуазной историографии поднимает ряд проблем, связанных с положением сектантов в обществе и их политической деятельностью в парламенте. Реставрация Стюартов в 1660 г., пишет автор, положила конец господству пуритан, однако не уничтожила их надежд на возможное изменение церковного устройства. Поскольку подобной реформы не произошло, большинство «умеренных» пуритан конформировалось, что позволило им заседать в парламенте. Наиболее же «крайние» пуритане, не признавшие англиканскую церковь, сделались диссентерами (сектантами), а потому были ограничены законом в своей политической деятельности, что, впрочем, не помешало им принимать участие в избирательных кампаниях, составлять и распространять петиции, памфлеты, в которых они выражали свои идейно-политические и религиозные убеждения.

Остановившись на вопросе о градациях диссентерства, Лэси не дает точного определения этого понятия. Он затрудняется также установить разграничительную линию между англиканами и диссентерами. Все это и приводит его к противоречивым выводам. В одном случае Лэси утверждает, что диссентеры рьяно выступали против англиканской церкви, и одновременно подчеркивает, что они оказывали значительную поддержку англиканам во время выборов в парламент и в их политической деятельности в учредительном собрании (стр. XIV—XV, 45). Более того, автор совершенно не упоминает о том, что диссентеры подразделялись на протестантских и католических неконформистов, а ведь в той религиозной политике, которую проводило правительство реставрации, это различие становилось камнем преткновения в борьбе между королем и парламентом.

Обстоятельно рассматривает Лэси идейно-политические воззрения диссентеров. Он относит к диссентерам баптистов, квакеров, индепендентов, пресвитериан. Многие из них, как и во времена революции, «продолжали отдавать предпочтение республике». Имелись в их рядах и те, кто верил, что правительство должно основываться на «принципе народного суверенитета». В то же время, как отмечает Лэси, «пресвитериане стремились к поддержанию монархии», при которой власть короля должна быть ограничена конституционным путем, а его действия «эффективно контролироваться палатами лордов и общин, являющимися представителями собственников» (стр. 3—4). Лэси убежден в том, что значительное влияние на диссентеров оказывали идеи левеллеров (стр. XV, 252). Впрочем, по мнению автора, после реставрации произошло своеобразное «перерождение» диссентеров. Большинство их отказалось от радикальных взглядов и сделалось защитниками конституционной монархии, что позволило им сблизиться с парламентской оппозицией (стр. 73, 80).

Анализируя деятельность диссентеров в парламенте, Лэси отмечает, что они были «чрезвычайно настойчивыми и агрессивными» в деле ограничения королевской прерогативы, с одной стороны, и защиты привилегий парламента — с другой. Принимая самое активное участие в парламентских дебатах, в работе комитетов, издавая памфлеты и т. д., диссентеры добивались установления парламентского контроля над

⁹ D. Lacey. Dissent and Parliamentary Politics in England. 1661—1689. New Brunswick — New Jersey. 1969.

прерогативами короля, над королевскими министрами и их политикой. Особенно важными Лэси считает усилия диссентеров, направленные на уменьшение полномочий короля в вопросе о созыве парламента, а также оказанная ими поддержка вигам в борьбе за билль о «лишении права престолонаследия» в 1679—1681 годах (стр. 248). Автор считает, что диссентеры внесли немалый вклад в подготовку и проведение «славной революции» 1688 г., а также в дело формирования последующего конституционного устройства страны. Наибольшую ценность представляют, по его мнению, разработанные ими «важные конституционные идеи», среди которых главенствующее положение занимает учение об ограниченной монархии (стр. 251—253).

Чрезмерное раздувание парламентской деятельности сектантов, их тесной связи с англичанами, а также довольно неопределенное толкование самого понятия «диссентерство» — все это в значительной степени искажает истинный характер и классовую сущность сектантства, а также ту роль, которую оно играло в политической борьбе XVII века. Неоднократно указывая на правительственные преследования диссентеров за религиозные и политические убеждения (стр. XIII, 46, 50), Лэси вместе с тем считает, что сектанты вели активную борьбу в парламенте, значит, принимали непосредственное участие в выработке репрессивного законодательства, направленного, кстати, против таких же, как они, лиц. Пытаясь как-то обойти столь явное противоречие, он в одном случае ответственность за репрессии возлагает на наиболее «крайних» англикан, а в другом — утверждает, что в парламент входили лишь «умеренные» сектанты (стр. 248—249). Говоря о немногих диссентерах-парламентариях, стоявших на одной из высших ступеней социальной лестницы, защитниках конституционной монархии, личных свобод и частной собственности (стр. 253), Лэси умалчивает об основной массе сектантов — из низших и средних слоев общества, — политическая активность которых проявлялась скорее всего за пределами парламента. Ведь «именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выставляли также главные боевые силы прогрессивного среднего класса»¹⁰.

Упомянутая выше монография Дж. Миллера посвящена собственно причинам антикатолицизма, ставшего господствующим в политике правительства реставрации. Книга эта — первая серьезная в буржуазной историографии попытка проанализировать и объяснить антикатолицизм в Англии XVII века. По словам автора, представления о католицизме этого периода дошли до наших дней в искаженном виде в силу явного или скрытого антикатолицизма представителей «вигского» направления историографии. Миллер находит ошибочным их утверждение о том, что последние короли из династии Стюартов стремились уничтожить свободу англичан, так как хотели установить деспотизм, навязать своим подданным католицизм и подчинить страну Ватикану. Автор противопоставляет историкам-вигам свою концепцию, в соответствии с которой короли пытались укрепить католицизм мирными средствами, то есть предоставить свободу вероисповедания и гражданские права католикам с помощью законодательных актов парламента. Миллер считает, что антикатолицизм в период реставрации выражал, с одной стороны, ненависть протестантов к католикам как послушным слугам папы римского, которым приписывались тайные стремления уничтожить протестантизм с максимальным кровопролитием и жестокостью. С другой стороны, антикатолические настроения отражали опасения относительно установления в стране деспотического правления, поскольку отождествление папства с абсолютизмом было прочно укоренившимся и широко распространенным мнением среди англикан (стр. 80, 90, 93).

Антикатолические настроения оказывали непосредственное воздействие на религиозную политику правительства. Миллер обращает внимание на тот факт, что, хотя последние Стюарты питали явную или скрытую склонность к католицизму, тем не менее они были вынуждены под давлением парламента проводить репрессивную политику по отношению к католикам. Подобное положение, когда король в значительной степени зависел от воли парламента, стало возможным лишь благодаря перераспределению политической власти, вызванному Английской буржуазной революцией. Однако Миллер явно недооценивает ее влияние на ход последующих событий, называя ее «гражданской войной», в которой таилась угроза общественному порядку. Казнь

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 311.

Карла I для него — «ужасный акт цареубийства» (стр. 85). Рассматривая шаг за шагом меры репрессивной религиозной политики в 1660—1688 гг., автор подчеркивает, что гонения на католиков начались еще в правление Генриха VIII и особенно усилились при Елизавете. Уже тогда правительство стремилось объяснить эти преследования не религиозными, а политическими мотивами. Протестанты XVII в. также отрицали тот факт, что католики преследовались из-за религиозных убеждений. Они утверждали, что паписты не могут быть верными подданными, поскольку в первую очередь подчиняются папе римскому, а не королю. Это позволяло обвинять католиков в нелояльности по отношению к правительству и даже в государственной измене (стр. 20).

Говоря о принятых парламентом периода реставрации законах, Миллер отмечает, что они далеко не всегда претворялись в жизнь из-за плохой связи с центральной администрацией, отсутствия должного рвения, некомпетентности чиновников местного управления. Тем не менее в результате репрессивной политики Карла II многие католики пострадали и были исключены из общественной жизни: их изгнали из парламента и запретили занимать ответственные государственные посты. Особенно суровым гонениям подверглись католики Ирландии: их выслали из городов, лишали права занимать общественные должности, закрывали их школы, священникам приказали покинуть королевство. Притеснения католиков чрезвычайно усилились в 1678—1681 гг. в связи с борьбой за принятие билля «о лишении права престолонаследия».

Как отмечает Миллер, религиозные различия в государстве считались опасными, так как часто приводили к волнениям и кровопролитиям. Отсюда простекали неоднократные попытки правительства добиться установления единообразия в религии. В силу этого действие репрессивного законодательства распространялось также и на протестантских неконформистов — диссентеров. Причем, как справедливо считает автор, все карательные законы обрушивались своей тяжестью не на католиков, а на сектантов. Миллер объясняет это тем, что правительство опасалось «фанатиков» еще больше, чем католиков, так как полагало, что диссентеры ведут в народе агитацию, направленную против существующего режима реставрации (стр. 105). В книге удачно подмечена характерная особенность политики правительства — его стремление извлекать материальную выгоду из репрессий против неконформистов. Штрафы были наиболее распространенной формой наказания. Причем, финансовые поборы продолжались даже после отмены Яковом II карательных законов. В то же время правительство избегало конфискаций собственности католиков, так как не желало их разорять. Более того, утверждает автор, католические пэры и джентри вообще в редких случаях подвергались суровому преследованию. Сумма штрафов устанавливалась одинаковой как для богатых, так и для бедных. Вполне очевидно, что низшие слои католического и протестантского населения терпели при этом большие лишения. Однако вывод о том, что репрессивная религиозная политика правительства была направлена прежде всего против народных низов, остался за пределами монографии Миллера.

Существенный интерес представляют те страницы его книги, где рассматривается вопрос об отношении народных масс к католицизму, а также об участии их в «славной революции». Автор полагает, что антикатолические настроения низов проявлялись лишь в церемонии сжигания чучела папы в период борьбы за билль «о лишении права престолонаследия». Полагая, что эти церемонии не оказывали никакого политического влияния на события, Миллер тем самым принижает роль народных масс. В то же время он приводит данные о том, что правительство опасалось подобных народных собраний и, чтобы не допустить возможных «беспорядков», усиливало охрану во время проведения церемоний. Участие народных масс в государственном перевороте 1688 г. Миллер считает «стихийным» (стр. 250), вызванным лишь недовольством религиозной политикой правительства. Принижая роль народных масс в этих событиях, он тем не менее вынужден признать, что правительство чрезвычайно опасалось подобных выступлений и всякий раз посылало войска для их подавления (стр. 257—258).

Подведем итоги. В отличие от своих предшественников, представителей консервативно-«торийского» и либерально-«вигского» направлений в историографии, восхвалявших «непрерывность» политического развития Англии и «гармонию», якобы существовавшую в отношениях между королем и парламентом, современные буржуазные историки признают наличие политической борьбы в период реставрации. Они полагают, что в Англии оставалась почва для новой революции и реставрация еще более

актуализировала этот вопрос. Те из них, кто обращается к предшествующему периоду — революции середины XVII в., признают, что усиление парламента, возникновение партийной системы, а также само наличие политической борьбы в период реставрации было обусловлено результатами этой революции. Они обращают внимание на ряд новых или малоизученных проблем — о диссентерстве, положении католиков в правление поздних Стюартов и т. д. В то же время вне поля их зрения остаются социально-экономические проблемы истории Англии периода реставрации. Принижается и недооценивается буржуазными историками и роль народных масс в политической борьбе. Между тем именно социальные низы представляли действительную оппозицию режиму реставрации, и только они своими выступлениями постепенно и постоянно расшатывали устой стюартовской монархии.

Т. Л. Лабутина
